

УДК 343.137.2

Л.А. Шестакова

**КОМПРОМИССНЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ:
ПРОБЛЕМЫ МЕЖСИСТЕМНЫХ И МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ¹**

Рассматриваются последние изменения, направленные на внедрение новых и изменение существующих в уголовно-процессуальном законодательстве компромиссных процедур с точки зрения учета межсистемных и межотраслевых связей правовой системы. Исследуется возможность дополнения уже существующих в уголовно-процессуальном законе компромиссных процедур гражданско-правовыми механизмами возмещения вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова: *уголовный процесс, отрасли криминального цикла, межсистемные связи права, межотраслевые связи права, компромиссные производства.*

В последнее время отчетливо наметилась тенденция к дифференциации уголовно-процессуальной формы. В уголовно-процессуальном законе с каждым годом появляется все больше и больше производств, которые можно отнести к компромиссным. Под компромиссными производствами мы понимаем вид особой уголовно-процессуальной формы, в которой уголовно-правовой конфликт разрешается путем допускаемого законом обмена сторонами обоюдовыгодными уступками. Как представляется, намеченная выше тенденция является объективной, проявившейся на определенном этапе развития правовых систем в различных странах, и будет проявляться и далее в российском уголовно-процессуальном законодательстве независимо от того, как к ней относятся практические и научные работники. В связи с этим автор ставит перед собой задачу проанализировать последние изменения закона, направленные на внедрение новых и изменение существующих в уголовно-процессуальном законодательстве компромиссных процедур с точки зрения учета межсистемных и межотраслевых связей правовой системы.

**Комплексные компромиссные институты
в отраслях криминального цикла**

Как известно, система права состоит не из равнозначных и абсолютно независимых отраслей права, а из взаимосвязанных и непосредственно входящих в нее как в сложную систему. В свою очередь, под системой понимается совокупность взаимосвязанных элементов, упорядоченных определенным образом и представляющих собой единое целое [1, с. 1437]. Следовательно, каждой отрасли права и каждой отдельной норме конкретной отрасли присущи все основные свойства системы права в целом.

В научной литературе советского периода в системе права вполне обоснованно были выделены ге-

нетические и функциональные² связи. Нормативные изменения отраслей права без учета таких связей всегда губительным образом сказываются на применении конкретных положений закона вплоть до полной невозможности их применения на практике.

Изменения в общественном и экономическом строе влекут за собой изменения уголовно-процессуального законодательства в связи с наличием генетических³ связей в правовой системе. Учитывает ли законодатель генетические связи при внедрении новых компромиссных процедур в УПК РФ? Как нам представляется, последние законодательные изменения уголовно-процессуального закона (имеется в виду, например, ст. 28.1, гл. 32.1 УПК РФ) не обусловлены изменениями общественных или экономических отношений. Кроме того, данные изменения не идеальны с точки зрения законодательной техники. Так, в 2011 г. появились ст. 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ. Фактически данный Закон поделил всех подозреваемых и обвиняемых на обычных граждан и бизнесменов. Сиюминутные потребности в криминализации одних деяний и либерализации других, которые обуславливают хаотичные изменения тех или иных нормативных положений УПК РФ, мы не можем оценить положительно.

Следует помнить, что норма закона рассчитана на применение к максимальному количеству ситуаций. Когда законодатель начинает изменять нормы уголовно-процессуального закона, пытаясь застраховаться от каких-то одиозных случаев (казусов), это неизбежно негативно сказывается на применении данной нормы к другим делам, не подпадающим в рамки «того конкретного» дела, под который это норма создавалась. Более того, такие нормативные изменения УПК РФ вынуждают добросовестного правоприменителя уклоняться от предписания закона, т.е., по сути, нарушать волю законодателя [4, с. 44–53].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Компромисс как форма судопроизводства по уголовным делам: традиции, заимствования, перспективы»), проект № 13-13-63003.

² Автор присоединился к одной из позиций, высказанных в литературе [2, с. 10–17]. Однако существуют и другие мнения по вопросу выделения связей в системе права (см., напр., [3]).

³ Это самые существенные связи, которые находятся в непосредственной зависимости от политической и экономической системы государства.

Анализ последних изменений УПК РФ позволяет утверждать, что уголовно-процессуальный закон все чаще меняется не в связи с изменениями общественных отношений, а в ответ на «кивки» высокопоставленных должностных лиц и политических деятелей. Так, введение гл. 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме», как впоследствии заявили сами ее разработчики, было вызвано неудачно проведенным преобразованием «милиции» в «полицию», которая вылилась в дефицит кадров. Однако является ли данный просчет основанием для изменения законодательства?

Нахождение норм, предназначенных для отдельных категорий лиц в общей части уголовно-процессуального закона, множество статей и глав УПК РФ с индексом 1, 2, 3 – все это не согласуется со структурой кодифицированного акта и затрудняет применение таких нормативных положений на практике.

Исходя из приведенных выше доводов, считаем, что последние изменения уголовно-процессуального закона, имеющие целью ускорение отправления правосудия по уголовным делам, все чаще осуществляются с нарушением межсистемных, генетических связей правовой системы России и связаны скорее с индивидуальным или корпоративным лоббизмом [5, с. 72].

Необходимо отметить, что большинство компромиссных институтов, закрепленных в УПК РФ, относятся к межотраслевыми (комплексным) институтам. Комплексные институты в отличие от унитарных характеризуются тем, что нормы одной отрасли применяются в другой; закрепляются, как правило, в источниках отрасли, которая их заимствует, и проходят существенную переработку [6, с. 22–23]. В свою очередь, комплексные институты проявляются в сфере действия родственных отраслей права и представляют собой гармоничный сплав однородных отношений, составляющих неразрывный предмет регулирования данных институтов.

Наличие в отраслях криминального цикла большого количества комплексных институтов имеет под собой вполне объективные основания. Констатируя взаимосвязь и взаимозависимость данных отраслей права, следует указать, что развитие и изменение отраслей криминального цикла должно быть системным, планомерным и параллельным, необходимо, чтобы производился взаимный учет возможностей каждой из этих отраслей. Однако на данный момент имеет место противоположная ситуация, укоренившаяся не только в законотворческой практике, но и в доктрине. Этот факт, безусловно, негативным образом сказывается на правоприменении и частоте использования данных компромиссных институтов норм, снижая их правовую и социальную ценность.

Одним из таких компромиссных институтов, который страдает «хроническими» недостатками в связи с несогласованностью норм УК РФ и УПК РФ, является институт освобождения от уголовной от-

ветственности в связи с примирением с потерпевшим. Негативным образом сказалось разновременное принятие сначала УК РФ (1996 г.), а через 5 лет УПК РФ (2001 г.). С одной стороны, поэтапное проведение судебной реформы позволяет избежать слишком радикальной ломки реально существующего законодательства. Но, с другой стороны, постепенное обновление законодательной базы зачастую приводит к тому, что новые нормативные акты не имеют соответствующего механизма и процедуры их реализации.

В уголовно-правовой литературе времени принятия УК и УПК РФ отмечалось, что ст. 76 УК РФ скорее имеет процессуальное происхождение, о чем свидетельствует ее диспозиция, приведенная в Законе: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред». Следовательно, из содержания этой нормы следует, что она должна была быть помещена в уголовно-процессуальный закон, а не в уголовный. Законодатель, однако, поступил иначе. В результате, ст. 76 УК РФ вступила в противоречие со ст. 25 нового УПК РФ 2001 г. (в редакции ст. 76 УК РФ, действовавшей до 08.12.2003 г., говорилось о лице, впервые совершившем преступление небольшой тяжести, а в ст. 25 УПК РФ – о лице, впервые совершившем преступление небольшой и средней тяжести).

Неполная согласованность положений уголовного и уголовно-процессуального закона в этой части имеет место и в настоящее время. Нормы закона в отраслевых кодексах не дают достаточной информации по насущным практическим вопросам, а разъяснения Верховного Суда РФ разрешают эти вопросы лишь отчасти. Считаем, что законодатель необоснованно применил различные подходы к двум схожим компромиссным институтам, закрепленным в ст. 25 УПК РФ и в ст. 28.1 УПК РФ. Так, конкретизируя содержание понятия «лицо, впервые совершившее преступление», применительно к ст. 25 УПК РФ в п. 2 Постановления Пленума № 19 от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», разработчики Постановления исходили из того, что освобождение от уголовной ответственности не образует судимости. Что же касается возникшей коллизии, заключающейся в том, что такое лицо при новом совершении преступления всякий раз будет признаваться впервые совершившим преступление, то она может нивелироваться усмотрением суда, который с учетом данного обстоятельства вправе не освобождать такое лицо от уголовной ответственности по ст. ст. 75 и 76 УК РФ.

Однако в ст.ст. 28.1 и 76.1 УПК РФ, которые не предусматривают судейского усмотрения при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности, применен другой подход, в соот-

ветствии с которым лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст.ст. 198–199.1 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе РФ, возмещен в полном объеме. Следовательно, суд обязан освободить лицо от уголовной ответственности, если причиненный преступлением ущерб до назначения судебного заседания возмещен в полном объеме. В силу этого, при каждом следующем уклонении лиц от уплаты налогов оно будет признаваться впервые совершившим это преступление и всякий раз освобождаться от уголовной ответственности, если до назначения судебного заседания возместит ущерб в полном объеме. Как указали сами разработчики Постановления Пленума № 19, данная проблема не может быть решена силами Пленума и требует вмешательства законодателя [7, с. 15–16].

В научной литературе также обоснованно приводятся и другие примеры нормативных изменений компромиссных институтов, проведенных без учета межсистемных и межотраслевых связей [8, 9].

Как представляется, большой разрыв во времени введения в действие указанных выше нормативных институтов и некоторых других компромиссных институтов которые подробно описаны в литературе, обусловил принципиально разные положения закона в этой части, что свидетельствует об отсутствии у законодателя единой концепции модернизации правовых институтов.

Комплексные компромиссные институты уголовного процесса и цивилистических отраслей права

В настоящее время объективно наблюдается процесс конвергенции частного и публичного права, что с неизбежностью порождает согласительные процедуры в уголовно-процессуальном праве. Главной особенностью проникновения частного права в публичную сферу уголовного судопроизводства является стимулирование при помощи договорно-правовых средств индивидуально-волевого начала возникновения, содержания и реализации отношений между частными и публичными, только между публичными или частными субъектами [10, с. 9].

Подмечая указанную тенденцию, отдельные авторы предлагают дополнить уже существующие в уголовно-процессуальном законе компромиссные процедуры гражданско-правовыми механизмами возмещения вреда, причиненного преступлением. Эта идея обосновывается тем, что совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих возмещение вреда, причиненного преступлением, является составной частью межотраслевого института возмещения ущерба от правонарушений вообще [11]. Применять указанные выше гражданско-правовые механизмы предлагается в согласительных институтах (ст.ст. 25, 28, 427, гл. 40 и 40.1 УПК РФ). Осветим отдельные аспекты данного вопроса.

В противовес устоявшейся в литературе позиции (и отчасти практике) о прекращении уголовного дела на основании, предусмотренном ст. 25 УПК РФ только при полном заглаживании вреда, Л.В. Головки [12] указывает, что ГК РФ содержит в качестве основания прекращения как договорных, так и деликтных обязательств прощение долга. Согласно ст. 415 ГК РФ, «обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора». Кроме того, потерпевший может также просто отказаться от осуществления гражданских прав, предусмотренных ст. 9 ГК РФ. В свою очередь, прощение долга прекращает обязательство, т.е. лишает кредитора права требовать в дальнейшем (в том числе в порядке гражданского судопроизводства) исполнения должником его обязанностей, вытекающих из договора или причинения вреда. В то же время обусловленный свободой распоряжения гражданскими правами отказ от их осуществления (на определенном этапе) не прекращает обязательство, что прямо указано в п. 2 ст. 9 ГК РФ [13]. Данное понимание положений УПК РФ открывает возможность примирения сторон по ст. 25 УПК РФ в тех случаях, когда вред потерпевшему возмещен не в полной мере или когда представляются определенные гарантии его возмещения в будущем.

Активная научная дискуссия по этому вопросу отразилась и на практике. Все чаще обвиняемыми и их защитниками в рамках расследования или на судебной стадии предлагаются различные варианты возмещения вреда в будущем или рассрочка возмещения вреда.

При возмещении вреда после прекращения уголовного дела или при рассрочке его возмещения велика вероятность того, что бывший подозреваемый или обвиняемый откажется возмещать вред или возместит его только в части. В этой связи в литературе рассматриваются различные варианты защиты прав потерпевших в таких случаях. В частности, предлагается закрепить в УПК РФ еще одно основание для приостановления производства – в связи с необходимостью отсрочки исполнения соглашения о примирении и прекращать уголовное дело по указанным выше основаниям только после возмещения вреда в полном объеме [14]; закрепить обязательное рассмотрение и разрешение гражданского иска даже если стороны ходатайствуют о прекращении уголовного дела по ст.ст. 25 и 28 УПК РФ [15, с. 195], защита нарушенных прав потерпевшего в рамках гражданского судопроизводства; заключение примирительного/мирового соглашения, в котором будут детально прописаны договоренности сторон и которое впоследствии можно будет принудительно исполнить.

Что касается примирительного соглашения, то в нем предлагается указать следующее: фамилия, имя, отчество, адрес и место жительства

сторон; обстоятельства совершенного деяния; согласованный объем причиненного материального и морального вреда, подлежащего заглаживанию; согласие на прекращение уголовного дела; обязательства виновной стороны в определенный соглашением срок совершить конкретные действия по заглаживанию вреда. В свою очередь, для обеспечения исполнения обязательств, закрепленных в таком уголовно-процессуальном договоре, также предлагаются различные пути [16, 17].

Однако официальная позиция Верховного Суда РФ о возможности прекращения уголовного дела при таких условиях, выраженная им в Постановлении Пленума ВС РФ № 19 от 27.06.2013 г., достаточно консервативна. Пленум ВС РФ в п. 3 Постановления разъяснил, что обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, загладить вред в будущем вне зависимости от наличия у него объективной возможности для их выполнения не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности.

Таким образом, препятствием для закрепления гражданско-правовых механизмов возмещения вреда потерпевшему в результате совершения преступления является не только пробельность законодательства в этой части, но и позиция высшей судебной инстанции по данному вопросу.

Возможность возмещения вреда, причиненного потерпевшему в результате совершения преступления в будущем и все дополнительные процедуры, необходимые для обеспечения прав потерпевшего, в таких случаях можно отнести к чрезмерному умножению сущего сверх меры согласно известному методологическому принципу. Нет необходимости вводить какое-либо нормативное положение, чтобы дополнительно создавать еще более сложный механизм для его должной реализации. Кроме того, не стоит забывать, что реализация приведенного выше предложения упирается в несовершенство законодательства об исполнении судебных актов по уголовным делам [18, с. 20–23].

Подводя итоги, хотелось бы указать, что, признавая необходимость появления в УПК РФ новых компромиссных институтов и изменения существующих институтов, нельзя не учитывать наличие межсистемных и межотраслевых связей уголовно-процессуального права с другими отраслями права.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой* Российский энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2003. 1888 с.
2. *Черданцев А.Ф.* Системообразующие связи права // Советское государство и право. 1974. № 8 С. 10–17.
3. *Кокарев А.И.* К вопросу о соотношении координационных и функциональных связей уголовного и уголовно-процессуального законодательства // <http://www.alldocs.ru/zakons/index.php?from=1375>.
4. *Головки Л.В.* Концептуальные основы уголовной политики в сфере экономики // Закон. 2011. № 09. С. 43–56.
5. *Головки Л.В.* Необходимость принятия организационных мер по преодолению негативных тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Закон. 2012. № 9. С. 70–82.
6. *Сырых В.М.* Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22–27.
7. *Тришьева А.А.* Освобождение от уголовной ответственности: комментарий к постановлению Пленума ВС РФ // Уголовный процесс. 2013. № 8. С. 14–25.
8. *Гончаров Д.Ю.* Специализация норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: историческая ретроспектива // Справ.-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
9. *Денисова А.В.* Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Справ.-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
10. *Абишлага Г.В.* Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве РФ. М.: Юрлитинформ, 2012. 456 с.
11. *Берова Д.М.* Возмещение вреда как условие прекращения уголовного преследования (дела) в порядке, предусмотренном ст. 25 УПК РФ // Справ.-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
12. *Головки Л.В.* Прощение долга – одно из оснований прекращения уголовного дела // Справ.-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
13. *Грицай О.В.* Некоторые аспекты разрешения гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Справ.-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
14. *Карнозова Л.М.* Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия: конференция // Справ.-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
15. *Кувалдина Ю.В.* Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара: СамГУ, 2011. 283 с.
16. *Елисеева А.А.* Институт медиации в условиях инновационного развития российского общества // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 34–39.
17. *Арутюнян А.А.* Медиация в уголовном процессе // <http://www.iuaj.net/node/1115>.
18. *Грицай О.В.* Исполнение приговоров в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок: дис. ... канд. юрид. наук. Самара: СамГУ, 2007. 219 с.